

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for
 Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 41, Is. 1, pp. 99–107, 2019
 DOI 10.22162/2619-0990-2019-41-1-99-107
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512

Каузативные глаголы с пермиссивным значением в бурятском и русском языках

Елена Александровна Дадуева¹

¹ Бурятский институт инфокоммуникаций (филиал), Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (д. 152, ул. Трубочеева, г. Улан-Удэ 670031, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

ORCID ID: 0000-0002-2562-7331. E-mail: edadueva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию каузативных глаголов в разноструктурных языках. Цель настоящей статьи — определить некоторые особенности семантики и функционирования каузативных глаголов пермиссивного значения в бурятском и русском языках. Исследование проводилось с использованием сравнительно-сопоставительного метода, метода компонентного и дистрибутивного анализа, а также опроса информантов. Фактическим материалом послужили данные переводных бурятско-русских словарей, примеры, отобранные путем сплошной выборки из бурятской литературы, и сообщения информантов. В работе представлена теоретическая база исследования о семантике пермиссивности, рассмотрены основные способы ее выражения в бурятском и русском языках, также предложены контекстуальные условия актуализации пермиссивности в бурятском языке, их сочетаемостные возможности и некоторые грамматические признаки. Пермиссивность выражает ситуацию, при которой каузатор допускает появление действия, но при этом не заставляет выполнять его. В результате сопоставления имеющегося материала стало ясно, что пермиссивное употребление большинства русских полнозначительных глаголов встречается редко, в то время как бурятском языке полнозначительные глаголы имеют возможность выражать пермиссивное значение в рамках одной лексемы. Также в статье показано, что в русском и бурятском языках существует возможность аналитического выражения пермиссивного значения каузации при помощи полипредикативных конструкций с глаголами волевого воздействия *зүбиөөхэ* 'разрешать', *хориho* 'запрещать', *үгэхэ* 'дать'. При этом указано, что для русского языка данный способ является основным. Далее в статье предложены к рассмотрению контекстуальные условия актуализации пермиссивного значения в бурятском языке. Так, были указаны такие условия, как императивная ситуация с говорящим без отрицания, значение халатности, значение «неприятного» действия, значение допущения. Автор приходит к выводу о том, что для бурятского языка важной представляется контекстуальная интерпретация глаголов фактитивной и пермиссивной каузации с помощью признака «приятности/неприятности» действия для субъекта. Пермиссивность связана чаще всего со значением «приятности» действия. Сочетаемость пермиссивных глаголов достаточно широка, однако отмечено, что ограниченно сочетаются с ними лишь глаголы эмоционального состояния, так как данной сферой сложно управлять и воздействовать на человека путем разрешения или позволения выразить те или иные эмоции. На морфологическом уровне аффиксы в бурятском языке не дифференцируются на аффиксы, выражающие фактитивную

каузацию, и на аффиксы с пермиссивным значением. Одна и та же каузативная морфема может обозначать оба значения. В статье показано, что двойная каузация может быть средством выражения пермиссивности в бурятском языке.

Ключевые слова: каузативность, каузативный глагол, фактитивная каузация, пермиссивная каузация, глаголы волевого воздействия, пермиссивность, полипредикативная конструкция

Для цитирования: Дадueva Е. А. Каузативные глаголы с пермиссивным значением в бурятском и русском языках. *Oriental Studies*. 2019;(1):108-116. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-99-107

UDC 811.512

Causative Verbs with Permissive Meanings: a Case Study of the Buryat and Russian Languages

*Elena A. Dadueva*¹

¹ Buryat Institute of Infocommunications (Branch) of the Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences (152, Trubacheev Str., Ulan-Ude 670031, Russian Federation)

Cand. of Philological Sc., Associate Professor

ORCID: 0000-0002-2562-7331. E-mail: edadueva@yandex.ru

Abstract. The article provides a comparative study of causative verbs in structurally different languages. The article aims to identify some semantic and functional features of causative verbs with permissive meanings in the Buryat and Russian languages. The main methods applied hereto include the comparative method, method of component and distributive analysis, and survey of informants. The actual materials for the study have been data contained in Buryat-Russian interlingual dictionaries, examples selected through continuous sampling from Buryat-language literary works, messages of informants. The paper presents a theoretical research base dealing with semantics of the permissive, describes its main expressive ways (means) in the Buryat and Russian languages, it also suggests contextual conditions for updating the permissive in the Buryat discourse, combinability and some grammatical signs. The permissive serves to express a situation when the causer permits an action but does not compel anyone to perform it. Permissive patterns revealed for the majority of Russian full verbs are rare enough, Buryat-language full verbs being able to express a permissive meaning within one lexeme only. The Russian and Buryat languages also provide a possibility to express permissive meanings of causation analytically, i.e., with the aid of poly-predicative constructions involving the verbs of volitional influence, such as *зүбишөөхэ* 'permit', *хориho* 'forbid', *үгэхэ* 'give'. And this method is actually central to the Russian language. Furthermore, the article proposes to consider the contextual conditions of actualization of permissive meanings in the Buryat language. Thus, such conditions included the imperative situation with a speaker without denial, the meaning of negligence, meaning of 'unpleasant' action, meaning of assumption. For the Buryat language, contextual interpretations of verbs of factitive and permissive causation with the aid of the sign 'pleasantness / troublesomeness' of action for the subject are important. The permissive is most often associated with the value of 'pleasantness' of action. In the Buryat language there are causative verbs containing — in their lexical meanings — semes of both the permissive and factuality. The compatibility (co-occurrence) of permissive verbs is rather wide, and the latter have limited compatibility with verbs of emotional state only since this sphere is difficult to manage, and to influence an individual through allowing to express certain emotions. At the morphological level, Buryat affixes are not divided into ones to express factitive causation and ones with permissive meaning. The same causative morpheme can serve to denote both the meanings. The article shows that double causation can be a means to express the permissive in the Buryat language.

Keywords: causativity, causative verb, factitive causation, permissive causation, verbs of volitional influence, permissive, poly-predicative construction

For citation: Dadueva E. Causative Verbs with Permissive Meanings: a Case Study of the Buryat and Russian Languages. *Oriental Studies*. 2019;(1):108-116. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-41-1-99-107

Введение. В лингвистике каузативность рассматривается как одна из важнейших категорий глагола, а каузативные глаголы образуют «наивысший уровень глагольной лексики» [Кильдибекова 1985: 64].

В теории каузативности важное место занимают рассуждения о семантике каузативных глаголов [Гордон 1981; Дадужева 2011; и др.]. В нашей статье освещается вопрос о глаголах, выражающих пермиссивную каузацию. Целью исследования является определение семантики, функционирования и грамматических особенностей каузативных глаголов пермиссивного значения в бурятском и русском языках. В задачи исследования входит определение семантического класса пермиссивных глаголов, контекстуальных условий актуализации пермиссивного значения, рассмотрение сочетаемостных возможностей, морфологических и синтаксических способов выражения пермиссивных каузативных глаголов.

Для начала необходимо сказать о разграничении глаголов фактитивной и пермиссивной каузации, так как понимание пермиссивности невозможно без понимания значения фактитивности. Надо отметить, что существенных различий при определении данных типов глаголов среди лингвистов не наблюдается. Так, фактитивная каузация понимается как ситуация, при которой субъект-каузатор рассматривается «в качестве основного источника каузируемого действия», т. е. действие целиком исходит от субъекта [Чудинов 1984: 95]. Например: *Я напугал ее своим звонком. Он разбудил меня.* Субъект самостоятельно воздействует на объект, являясь основным организатором воздействия. Следует сказать, что в некоторых источниках фактитивность понимается как каузативность вообще. Так, Т. А. Кильдибекова пишет: «Понятийная категория каузативности (фактитивности, воздействия)...» [Кильдибекова 1985: 13]. Пермиссивная же каузация в лингвистике понимается как ситуация, при которой каузатор не является основным источником каузируемого действия, инициатива здесь обычно принадлежит каузируемому субъекту, а каузатор только допускает, позволяет,

разрешает (не разрешает) объекту воздействия выполнить действие [Чудинов 1984: 95]. Например: *Учитель разрешил детям поиграть — Дети играют. Мать позволила сыну погулять — Сын гуляет.* Как пишет М. Г. Сымулов, пермиссивная каузация выражает не любое действие, а лишь то, которое не требует от агенса большой активности [Сымулов 2005: 23]. Таким образом, пермиссивность выражает ситуацию, при которой каузатор допускает появление некоторого действия, но при этом фактически не заставляет выполнять его. Пермиссивность связана только со значением разрешения или позволения на действие каузируемого субъекта, который в действительности и выполняет дозволенное действие.

Способы выражения пермиссивного значения. Как известно, каузативность в языке может выражаться тремя основными способами: лексическим — без участия словообразовательных средств, морфологическим — с участием словообразовательных средств, синтаксическим (аналитическим) — с участием специальных конструкций. Лексический каузатив является основным в русском языке, однако пермиссивное употребление большинства русских полнознаменательных глаголов встречается редко. Например, А. П. Чудинов приводит в качестве примера глагол *отпустить*, значение пермиссивности которого отражается в его словарном толковании: *отпустить — позволить уйти, удалиться откуда-либо или отправиться куда-либо* [Чудинов 1984: 96]. Также можно отметить в словарях некоторые толкования, содержащие пермиссивное значение в русском языке: *выпустить — дать выйти, дать закончить учебное заведение, предоставив соответствующее право; вырастить — дать вырасти.* Например: *выпустить курс, выпустить пар, вырастить дерево* и т. д.

А. Б. Летучий приводит такой пример пермиссивной интерпретации каузативов: *Врач не спас больного (= 'позволил больному умереть')* [Летучий 2009: 385]. Глагол *спасать/не спасать* понимается здесь, как пермиссивный «спасать — позволить жить», «не спасать — позволить умереть, погибнуть».

Морфологический каузатив является основным средством выражения в бурятском языке, но участвуют ли каузативные аффиксы в выражении значения пермиссивности? Как указывают лингвисты, каузативные морфемы в разных языках могут выражать как пермиссивность, так и фактитивность [Недялков, Сильницкий 1969: 29].

Анализ контекстуального материала показывает, что аффиксы каузативности в бурятском языке не дифференцируются на аффиксы, выражающие фактитивную каузацию, и на аффиксы с пермиссивным значением. Одна и та же каузативная морфема может обозначать оба значения. Ср.: 1) — *Намайе хаантай уулз-уул-а!* — *гэжэ хүбүүн «тоб» байса харюусаба* ‘Позволь мне **встретиться** с ханом! — четко ответил мальчик’ [Бурятские улигеры 1983]. 2) *Тиш-гээд намайе яагаад хубсал-уул-ха нэм?* ‘Как

же меня теперь **оденут?**’ [Намсараев 1950]. Глаголы *хубсал-уул-ха* и *уулз-уул-ха* имеют одинаковые каузативные аффиксы *-уул*, но глагол *уулз-уул-ха* в первом предложении выражает пермиссивное значение «позволить, разрешить, помочь встретиться», а глагол *хубсал-уул-ха* имеет фактитивное значение ‘одеть’.

Однако следует отметить, что с точки зрения морфологических особенностей выражения пермиссивного значения в бурятском языке выделяется важный момент. Для бурятского языка характерна двойная каузация — использование сразу двух каузативных аффиксов. При анализе глаголов с двойными показателями каузативности было выявлено несколько особенностей их использования, в том числе и то, что двойная каузация в бурятском языке может придавать глаголу пермиссивное значение. Например:

Манай тоодээ тэдээниие хайрлажа гэртээ хон-уул-га-даг

Наша бабушка они-ACC жалеть дом-DAT ночевать-CAUS-CAUS-PRS

‘Наша бабушка, жалея их, **позволяет** им **ночевать** у себя дома’.

Глагол *хон-уул-га-ха* ‘позволять ночевать’ содержит два каузативных аффикса *-уул* и *-лга* и обозначает действие, позво-

ленное сделать объекту. Рассмотрим другой пример:

Тэрэ мяхаа үж-ээ-лгэ-бэ

Он-PRON мясо-ACC гнить-CAUS-CAUS-PST

‘Он **позволил** мясу **сгнить**’.

Глагол *үж-ээ-лгэ-хэ* содержит два каузативных аффикса *-ээ* и *-лгэ*. Двойная каузация придает глаголу пермиссивное значение. Глагол в данном контексте выражает действие, нежелательное, «неприятное» для субъекта. Производящий каузативный фактитивный глагол *үж-ээ-хэ* ‘испортить, заставить сгнить’. При добавлении второго каузативного аффикса меняется фактитивное значение на пермиссивное — *үж-ээ-*

лгэ-хэ ‘позволить сгнить, допустить своей невнимательностью, халатностью «неприятное» действие’.

Если в русском языке мы встречаем ограниченное число глаголов с пермиссивным значением, то в бурятском языке полнозначенательные глаголы обладают богатыми возможностями выражать пермиссивное значение в рамках одной лексемы. Например:

Тишгэд лэ бухаяа шонодо эд-юул-ээш.

Затем бык-ACC волк-DAT съесть-CAUS-PST

‘Ты **позволил (допустил, дал)** волку **съесть** твоего быка’ [Бурятские улигеры 1983].

Глагол *эд-юул-хэ* ‘позволять съесть’ в предложении (1) — маркированный каузативный глагол, производный от глагола *эди-хэ* ‘съесть’. Семантика

пермиссивности имеет значение действия, допущенного в результате халатности, недосмотра со стороны каузатора.

Для выражения семантики пермиссивности в русском языке используются аналитические каузативные конструкции. Аналитический способ реализации пермиссивного значения является основным. Чаще всего все случаи пермиссивного употребления глаголов бурятского языка переводятся на русский язык при помощи конструкций с глаголами волевого воздействия и предикатными актантами. Предикатные актанта в каузативных конструкциях в бурятском языке выражаются причастиями будущего времени с показателями В. п. и притяжения, а в русском языке — инфинитивом. Как считают некоторые исследователи монгольских языков, причастия будущего времени в данных языках омонимичны инфинитиву [Бертагаев 1964: 41].

Шамайе гэртээ табиha бол-го-бо.
Ты-ACC дом-DAT отпустить-PC.FUT делать-CAUS-PST
'Тебе разрешили отправиться домой'.

Ср.: *хураха болгобо* 'разрешили учиться', *хууха болгобо* 'позволили посидеть', *орохыем болгобо* 'разрешили войти мне' и т. д.

Специфика глаголов волевого воздействия с пермиссивным значением на синтаксическом уровне в русском и бурятском языках состоит в том, что они могут управлять дательным падежом в отличие от других каузативных глаголов, которые предполагают при себе объекты воздействия в аккумулятиве. Данное положение связано с тем, что подобные глаголы

К глаголам волевого воздействия относятся русские пермиссивные глаголы (*дать / не дать, разрешить / не разрешить, позволить / не позволить, запретить / не запретить*). В бурятском языке такие глаголы также составляют ограниченную группу слов: *зүбишөөхэ* 'разрешать', *хориho* 'запрещать', *үгэхэ* 'дать'. Например: 1) *Халуун баяр хүргэхыемни зүбишөөгйт!* 'Разрешите мне передать горячий привет!' 2) *Чаур бэхи дүүгээ үгэхые зүбишөөрбэгүй* 'Чаур-беки не разрешил отдать младшую сестру' [Сокровенное сказание 1990: 86].

В бурятском языке также необходимо выделить глагол *болгохо*, который может употребляться и в пермиссивном значении в сочетании с причастиями будущего времени:

выражают опосредованное влияние. Например: *А вот коров доить им Регина Петровна не разрешила* [Приставкин 1989: 55]. Пермиссивная каузация, как известно, обозначает ситуацию, в которой каузатор лишь препятствует или не препятствует совершению определенного действия. Данное явление связано с семантикой глаголов пермиссивной каузации. Разрешение, позволение или запрет на какое-либо действие «дается» какому-либо объекту, т. е. адресату, который и выполняет каузируемое действие. Ср.:

Чингис хаан-да дуул-га-ба [Сокровенное сказание 1990: 63]
Чингис хан-DAT слушать-CAUS-PST
'Чингис сообщил (дал узнать) хану'.

Контекстные условия. Пермиссивная каузация в русском языке в основном выражается аналитическим способом и не требует определенных контекстуальных условий. В бурятском же языке актуализация пермиссивного значения требует особых контекстных условий, так как одна и та же глагольная лексема может выражать как фактитивное, так и пермиссивное значение.

Попробуем определить некоторые контекстные условия, актуализирующие пермиссивную каузацию. В «Типологии кауза-

тивных конструкций», например, выделяется несколько условий актуализации пермиссивного значения [Недялков 1969: 30]:

- 1) императивная ситуация с говорящим без отрицания. Например: *Мама, разреши мне купаться*;
- 2) каузируемая ситуация представляет собой «приятное» для субъекта действие: *Эта женщина отпустила свою дочь в гости*;
- 3) ситуация, при которой субъект каузирующего действия совпадает с объектом каузируемого действия.

Пермиссивные глаголы обозначают «неприятные» действия, наносящие субъекту каузации какой-либо ущерб: *Сын позволил ему избить себя.*

Опираясь на существующую теорию «Типологии каузативных конструкций» и анализ собранных примеров из бурятской художественной литературы, фольклора и примеров из разговорной речи, попытаемся определить контекстуальные условия актуализации пермиссивного значения в бурятском языке.

1. Императивная ситуация с говорящим без отрицания. Например: *Намайе хаантай уулзуула! — гэжэ хүбүүн «тоб» байса хариусаба* 'Позволь мне встретиться с ханом! — четко ответил мальчик' [Бурятские улигеры 1983].

Глагол *уулз-уул-а* 'позволь встретиться' является производным маркированным каузативным глаголом. Он выражает значение пермиссивности. Такие маркированные глаголы бурятского языка мы переводим на русский только с помощью каузативных конструкций.

2. Значение халатности, невнимательности, оплошности, приведшие к возникновению «неприятного» действия: 1) *Тиигэд лэ бухаяа шонодо эдюулээш* 'Ты **позволил (допустил, дал)** волку **съесть** твоего быка' [Бурятские улигеры 1983]; 2) *Шии юундэ мунгэе абхуулабши?* 'Почему ты **позволил (дал, допустил)** украсть у тебя деньги?'

3. Значение «неприятного» действия с пермиссивным значением, по нашим наблюдениям, возможно в ситуациях с отрицанием. В таких случаях каузатором оказывается третье лицо, теми или иными действиями оказывающее отрицательное «неприятное» воздействие. Например: *Муу хүбүүд, муу бэринэр бидэниие амар унтуулхагүй, юундэ айлгажа байна?* 'Плохие дети и плохие невестки **не дают** нам **спать** спокойно, почему пугают нас?' [Сокровенное сказание 1990: 92].

4. Пермиссив выражает значение допущения, когда действие интерпретируется как намеренное или ненамеренное допущение какого-либо события или действия, создание условий для его возникновения. Например: 1) *Эртэнэй уг гарбалтай Ван ханиие элдэбээр айлган зугадааж, мэнэ на-яхан үхүүлбэ* 'Ван-хана напугали и **довели до смерти** (допустили, чтобы он умер, дали

умереть)' [Сокровенное сказание 1990: 101]; 2) *Найманда эд хүрэнгэ, эхэнэр, хүбүүдээ булялгабаб* 'Я **позволил** найманам **поло-нить** моих жен и детей (допустил, чтобы взяли в плен, увели, не смог защитить)' [Сокровенное сказание монголов 1990: 84].

Значение допущения возможно и в ситуации, когда каузатор совпадает с объектом каузируемого действия. Каузатор здесь часто ненамеренно или ненамеренно допускает появление определенной ситуации. Например: *Ты позволил победить себя!* (в контексте возможно намеренное действие); *Он дал обмануть себя* (ненамеренное действие).

5. Пермиссив также может выражать в русском и бурятском языках значение «приятности», позволения «приятного» для каузируемого субъекта действия. Каузатор в этом случае лишь позволяет произойти такому действию. Например: *Мама разрешила нам погулять подольше; Учитель позволил сегодня ученикам немного отдохнуть.* Ср. в бурятском языке: *Анхандаа ехэ модошо дархан байһанаа гар хүлөөр муу болоод, залуу дархашуул олон ургаж, энэ үбгэниие амаруулаа юм һэн ха* 'Будучи хорошим плотником, стал слабеть, когда вырастил себе много молодых учеников, они **позволили** ему **отдыхать**'. Каузативный глагол *амаруулха* в данном контексте имеет пермиссивное значение «приятного» для субъекта действия.

Надо сказать, что в бурятском языке пермиссивность и фактитивность, на наш взгляд, чаще всего дифференцируются в одной глагольной лексеме в контекстуальных условиях «приятности/неприятности» для объекта каузации. Сравним два контекста: *Мать позволила детям прыгать* и *Мать заставила детей прыгать*. В русском языке значение пермиссива в первом случае и фактитива во втором контексте мы замечаем сразу. В бурятском языке: *Эжынь үхибүүдээ собхоруулба*. В таком контексте уловить значение глагола невозможно. Его можно перевести двумя способами: при помощи пермиссивного глагола *позволила* и фактитивного — *заставить*, т. е. значение зависит целиком от контекстуальных условий. Если действие «приятно» для исполняющих его субъектов, то каузация получает пермиссивное толкование *Мать позволила детям прыгать*. Для адекватного толкования в бурятском языке требуется более широкий контекст. Например: *Эжынь*

үхибуудээ **орон дээрэ собхоруулба** ‘Мать **разрешила** детям **прыгать на кровати**’. В таком контексте становится явным пермиссивное значение глагола, так как невозможно было бы представить себе данную ситуацию с фактитивным глаголом. Ср.: **Мать заставила детей прыгать на кровати*¹. Разрешение, позволение субъекту чаще всего дается для «приятных» для него действий, было бы странным, если бы объекту давалось позволение для «неприятного» для него действия. Ср.: **Тэрэ намайе сошордуулба* ‘Он позволил мне огорчиться’.

Таким образом, для бурятского языка важной представляется контекстуальная интерпретация глаголов фактитивной и пермиссивной каузации с помощью признака «приятности/неприятности» действия для субъекта. Пермиссивность связана чаще всего со значением «приятности» действия. Ср.: 1) *Тэрэ маниие газгаа хонуулба* ‘Он **заставил** нас **ночевать** на улице’ — фактитивная каузация, «неприятное» действие; 2) *Тэрэ хайн сэдхэлтэй эхэнэр маниие гэртээ хонуулба* ‘Та добрая женщина **разрешила** нам **переночевать** у нее дома’ — пермиссивная каузация, «приятное» действие.

Также нами замечено, что в переводных бурятско-русских словарях часто встречается словарное закрепление пермиссивного значения каузативного глагола. При этом полнозначенательные глаголы бурятского языка поясняются при помощи каузативных конструкций. Например: *шургуулха* ‘дать возможность пробраться, пролезать, проникнуть’; *шэмхүүлхэ* ‘давать кастрировать’; *эсхүүлхэ* ‘давать кроить’; *наадуулха* ‘дать играть’; *амаруулха* ‘давать отдыхать’ и т. д. Стоит отметить, что в словарях также отмечаются и фактитивные значения каузативных глаголов: *арсуулха* ‘принуждать к отказу, заставлять отказаться’; *амадуулха* ‘велеть пересечь путь’; *анюулха* ‘велеть закрыть (глаза)’ и т. д. Отсюда можно сделать вывод о том, что в бурятском языке существуют каузативные глаголы, содержащие в своем лексическом значении как семы пермиссивности, так и фактитивности.

Сочетаемостные возможности. Надо отметить, что пермиссивные глаголы *дать*, *позволить*, *разрешить* в большинстве ситуаций взаимозаменяемы: *Мама дала / разрешила / позволила мне погулять*. Од-

нако отметим некоторые особенности употребления данных глаголов в каузативной конструкции. С глаголами *дать*, *позволить* возможно употребление как одушевленных, так и неодушевленных каузаторов: *Отец позволил / дал мне отдохнуть*; *Усталость не дала / не позволила мне быстро уснуть*. С глаголом *разрешить* употребляется только одушевленный каузатор. Что касается объекта воздействия, то здесь ситуация несколько иная: исполнителем при пермиссивном глаголе *дать* может быть и одушевленный, и неодушевленный предмет. А при глаголах *позволить*, *разрешить* возможен лишь одушевленный объект, исполнитель действия. Ср.: *Я дал мотоциклу разогнаться*. Исполнитель — *мотоцикл* — неодушевленный предмет, который и выполняет предложенное действие — *разгоняется*. Ср.: **Я разрешил / позволил мотоциклу разогнаться*. Такие предложения противостоят человеческим представлениям о живом и неживом мире. Неодушевленные предметы не воспринимаются нами как объекты, которые способны получать разрешение / позволение. Эта способность доступна лишь живым существам, человеку. Как указывает М. Г. Сымулов, пермиссивные конструкции редко выражают такие ситуации, в которых не участвует человек. «Если даже оба актанта выражены неодушевленными именами, обычно семантический анализ позволяет обнаружить одушевленных участников, которые не названы, но имеются в семантической структуре» [Сымулов 2005: 25].

При пермиссивном глаголе *дать* в позиции прямого дополнения часто встречается употребление имен существительных, которые образуют с глаголом семантически единое целое. Например: *дать возможность*, *дать разрешение*, *дать совет*, *дать приказ*, *дать поручение*, *дать задание* и др. Как указывает В. И. Подлесская, такие конструкции отличаются от конструкций, в которых инфинитив непосредственно подчинен глаголу *дать*. Отличие касается контроля субъекта [Подлесская 2005: 100]. Так, в конструкции *Он дал ему уйти* объект воздействия контролируется самим каузатором, а в конструкции *Он дал ему возможность уйти* такой контроль теряется.

Сочетаемость пермиссивных глаголов достаточно широка. Надо отметить, что ограниченно сочетаются с ними лишь гла-

¹ Знаком * помечены неправильные примеры. — Е. Д.

голы эмоционального состояния. Ср.: *Он позволил мне грустить, *Она разрешила мне поплакать, *Они дали ему рассердиться. Согласимся, что эмоциональным состоянием человека сложно управлять и воздействовать на него путем разрешения или позволения выразить те или иные эмоции.

Выводы. Таким образом, в бурятском и русском языках наблюдаются некоторые различия в выражении пермиссивной каузации. Так, в русском языке пермиссив получает в основном аналитическое выражение. Здесь используются каузативные конструкции с глаголами волевого воздействия и инфинитивом. Для русского языка не характерно выражение пермиссивной каузации в одной глагольной лексеме в отличие от бурятского языка, в котором пермиссивность может реализовываться как аналитическим

способом при помощи конструкций с предикатным актантом, так и лексическим — каузативным глаголом. В бурятском языке часто пермиссивное значение глагола закрепляется в словарной статье. Специальных каузативных аффиксов, выражающих пермиссивность, в бурятском языке не существует. Одним из морфологических показателей пермиссивности здесь можно назвать лишь двойную каузацию. В статье показано, что для выделения каузативных глаголов с пермиссивным значением в бурятском языке большое значение имеет контекст. Так, были определены некоторые контекстуальные условия актуализации пермиссивного значения, важнейшим из которых признается значение «приятности» как дифференцирующего признака пермиссивных глаголов сопоставляемого языка.

Условные обозначения грамматических значений в глоссах

ACC — винительный падеж; CAUS — каузативный глагол; DAT — дательный падеж; FUT — будущее время; IMP — повелительное наклонение; INS — инструментальный падеж; NEG — отрицание; PC.FUT — причастие будущего времени; Pl — множественное число / SG — единственное число; PRS — настоящее время / PST — прошедшее время.

Литература

- Бертагаев 1964 — *Бертагаев Т. А.* Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1964. 280 с.
- Бурятские улигеры 1983 — *Буряад үлгэрнүүд*. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1983. 139 с.
- Гордон 1981 — *Гордон Е. Я.* Каузативные глаголы в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1981. 191 с.
- Дадуюева 2011 — *Дадуюева Е. А.* Функционально-семантическая категория каузативности в русском и бурятском языках. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. 128 с.
- Кильдибекова 1985 — *Кильдибекова Т. А.* Глаголы действия в современном русском языке. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 157 с.
- Летучий 2009 — *Летучий А. Б.* Каузатив, декаузатив и лабильность // Я. Г. Тестелец, П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий, Н. Р. Сумбатова (ред.). Аспекты полисинтетизма. М.: РГГУ, 2009. С. 372–428.
- Намсараев 1950 — *Намсараев Х.* Үүрэй толон. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1950. 319 с.

- Недялков 1969 — *Недялков В. П., Сильницкий Г. Г.* Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив / под ред. А. А. Холодовича. Л.: Наука, 1969. 311 с.
- Подлеская 2005 — *Подлеская В. И.* Русский глагол *дать / давать*: от прямых потреблений к грамматикализированным // Вопросы языкознания. № 2. 2005. С. 89–103
- Приставкин 1989 — *Приставкин А.* Ночевала тучка золотая. М.: Известия, 1989. 464 с.
- Сокровенное сказание 1990 — *Сокровенное сказание монголов*. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1990. 318 с.
- Сымулов 2005 — *Сымулов М. Г.* Способы выражения каузативных отношений в разноструктурных языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2005. 198 с.
- Чудинов 1984 — *Чудинов А. П.* О регулярном характере контекстуального варьирования значений каузативных глаголов // Проблемы глагольной семантики: сборник научных трудов. Свердловск: Уральский гос. университет, 1984. С. 95–102.

References

- Bertagaev T. A. *Sintaksis sovremennogo mongol'skogo yazyka v sravnitel'nom osveschenii* [Modern Mongolian syntax in a comparative perspective]. Moscow: Nauka, 1964. 280 p. (In Rus.)
- Buryaad ulgehrnүүд [Buryat tales]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1983. 139 p. (In Bur.)
- Chudinov A. P. Meanings of causative verbs: a regular nature of their contextual variation revisited]. *Problemy glagol'noy semantiki*. Coll. papers. Sverdlovsk: Ural State Univ., 1984. Pp. 95–102. (In Rus.)

- Dadueva E. A. *Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya kauzativnosti v russkom i buryatskom yazykah* [The functional and semantic category of causativity: a case study of the Russian and Buryat languages]. Ulan-Ude: Buryat State Univ., 2011. 128 p. (In Rus.)
- Gordon E. Ya. *Kauzativnye glagoly v sovremennom russkom yazyke* [Causative verbs in modern Russian]. A PhD thesis abstract. Dushanbe, 1981. 191 p. (In Rus.)
- Kildibekova T. A. *Glagoly deystviya v sovremennom russkom yazyke* [Action verbs in modern Russian]. Saratov: Saratov State Univ., 1985. 157 p. (In Rus.)
- Letuchy A. B. Causative, decausative and lability. *Aspekty polisintetizma*. Ya. G. Testeleits, P. M. Arkadiev, A. B. Letuchy, N. R. Sumbatov (eds.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2009. Pp. 372–428. (In Rus.)
- Namsaraev Kh. *Üüreý tolon* [The Sunrise]. Ulan-Ude: Burmongiz, 1950. 319 p. (In Bur.)
- Nedyalkov V. P., Silnitsky G. G. *Tipologiya kauzativnykh konstruktsiy* [Typology of causative constructions: the morphological causative]. A. A. Kholodovich (ed.). Leningrad: Nauka, 1969. 311 p. (In Rus.)
- Podlesskaya V. I. The Russian verb *дать/давать* ('give'): from direct word usage patterns to grammaticalized ones]. *Voprosy yazykoznaniya*. No. 2. 2005. Pp. 89–103. (In Rus.)
- Pristavkin A. *Nochevala tuchka zolotaya* [A Golden Cloud Slept ...]. Moscow: Izvestiya. 1989. 464 p. (In Rus.)
- Sokrovennoe skazanie mongolov* [The Secret History of the Mongols]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1990. 318 p. (In Rus. and Bur.)
- Symulov M. G. *Sposoby vyrazheniya kauzativnykh otnosheniy v raznostrukturnykh yazykah* [Means to express causative relationships: a case study of structurally different languages]. A PhD thesis abstract. Cheboksary, 2005. 198 p. (In Rus.)

